

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г58

Гоголь, Николай Васильевич.
Г58 Майская ночь, или Утопленница / Николай Гоголь ; иллюстрации Анатолия Зверева. — Москва : Эксмо, 2021. — 76 с. : ил.

ISBN 978-5-6046697-0-9

Известнейшая повесть Николая Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» впервые увидела свет с иллюстрациями лучшего, по мнению Пикассо, русского рисовальщика. Это эксклюзивное коллекционное издание создано специально для тех, кому важна органичность текста и визуального ряда.

Гоголь не случайно был любимым писателем советского художника-авангардиста Анатолия Зверева: ему явно близка гоголевская экспрессия, чувство юмора, любовь к таинственности. Но зверевские иллюстрации «Майской ночи» до сих пор хранились в архивах и частных коллекциях и не были доступны поклонникам.

Почти четыре десятка черно-белых рисунков пером — фирменный почерк мастера, виртуозно владевшего этой техникой и стремившегося запечатлеть все самое важное, страшное и смешное в тексте: и поцелуи влюбленных, и шалости парубков, и черную душу ведьмы, и красоту украинской ночи. Появление этой книги обещает стать одним из ярчайших событий современного искусства.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-6046697-0-9

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Гоголь Николай Васильевич

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

Иллюстрации *Анатолия Зверева*

Главный редактор *Рамиль Фасхутдинов*
Ответственный редактор *Саакануш Ванян*
Редактор *Светлана Галанинская*
Координатор проекта *Катя Чувашова*
Младший редактор *Анна Цветкова*
Компьютерная верстка *Светлана Туркина*
Корректор *Наталья Сгибнева*

Дизайн переплета и макета *Петра Петрова*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

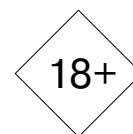
ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы,
123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru
Интернет-магазин : www.book24.kz
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский кв., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification
Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 16.08.2021.
Формат 108x62¹/₈. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,78.
Тираж экз. Заказ

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:
f eksmolive
eksmo
eksmolive
eksmo.ru
eksmo_live
eksmo_live

ISBN 978-5-6046697-0-9

ЧИТАЙ
ГОРОД

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:

один клик до книг

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКМО-АСТ»

Оглавление

Предисловие к первому изданию	5
I. Ганна	16
II. Голова	30
III. Неожиданный соперник. Заговор . . .	36
IV. Парубки гуляют	42
V. Утопленница	60
VI. Пробуждение	68

Гоголь и Зверев: тайны «Майской ночи»

Сергей Соловьев

Гоголь был любимым писателем художника Анатолия Зверева (1931–1986). И теперь, с появлением этой книги, можно определенно сказать, что зверевская «гоголиада» — одно из самых ярких, неординарных и выдающихся явлений в искусстве XX века. Вы держите уникальное издание, где сошлись два гения на самом пике творческих сил: виртуозный мастер прозы из Полтавской губернии и выросший в Сокольниках живописец и график, взорвавший своей экспрессией официальный советский реализм.

«Вполне из меня мог бы получиться Гоголь, а получился гоголь-моголь!» (из трактата Зверева «О живописи»). По разным поводам, с иронией и без нее, Зверев подчеркивал свое духовное родство с автором «Мертвых душ». Это было отнюдь не позерство и не тщеславное стремление погреться в лучах чужой славы: у Зверева с Гоголем, разделенных столетием, на подсознательном уровне было поразительно много общего. Они оба отклонились от магистрального, «классического» пути (один — от пушкинской ясности, второй — от соцреализма), оба были бесприютны, одиноки и нередко вызывали на себя огонь яростной критики. Каждый из них превратился в мифологический (если не сказать анекдотический)

персонаж. Иными словами, это были во всех смыслах современные и своевременные для своей переходной эпохи художники.

О новаторстве Гоголя за две сотни лет написаны десятки исследований. В том числе работы, посвященные его отношению к изобразительному искусству: благо сам Николай Васильевич служил примером живописца как в прямом (он создал обложку для «Мертвых душ», увлекался акварелью), так и в переносном смысле слова. Гоголевское пристрастие к визуальным метафорам общеизвестно. «Майская ночь» не исключение, она до краев наполнена живописными нюансами. Вот перед нами готовый панорамный пейзаж в левитановском ключе: «...Необъятно синело теплое украинское небо, завешенное снизу кудрявыми ветвями стоявших перед ними вишен». А рядом — настоящий «портрет» пожилого дома: «Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом».

Так или иначе, подступаясь в середине 1950-х годов к гоголевским сочинениям, молодой Зверев пошел на дерзкий артистический эксперимент. Он меньше всего думал о правилах иллюстрирования, о реакции издателей (каковых и в помине не было), о «следовании букве произведения». Все наоборот: Гоголь для него служил точкой опоры, с помощью которой он перевернул искусство своего времени.

Сохранился уникальный рисунок из собрания Сергея Александрова, где Зверев изобразил себя в виде эдакого Хомы Брута, сидящего на райских облаках и погруженного в чтение: с одной от него стороны находится раскрытая книга «Мертвых душ», с другой — «Вий». В руках у художника перо — мы наблюдаем, как по ходу чтения он делает моментальные наброски. Над всей этой композицией словно херувим парит Гоголь с крылышками. Собственно, лучше и не опишешь творческий метод Анатолия Тимофеевича: он на-гора выдает бескрайний поток графических образов, рождающихся под напором гоголевской прозы. Все это могло происходить десятки раз, литературный источник зачитывался почти наизусть.

Шутка ли дело: буквально за два-три года Зверев создал огромную галерею рисунков практически ко всем произведениям Николая Гоголя. На сегодняшний день в разных собраниях хранятся как целые циклы, так и отдельные листы к таким гоголевским шедеврам, как «Мертвые души», «Тарас Бульба», «Вий», «Потерянная грамота», «Страшная месть», «Записки сумасшедшего», «Как поссорились Иван Иванович с Иваном

Анатолий Зверев.
Автопортрет. 1959. Бумага,
уголь. 39×25,7 см

Никифоровичем», «Шинель», «Портрет», «Невский проспект», «Сорочинская ярмарка», «Ночь перед Рождеством» и т. д. Все они датируются 1954–1956 годами. Не обнаружены пока только картинки к фантазмагории «Нос». Но не исключено, что, пока пишется это введение, нас ожидает открытие зверевских работ и к этой повести.

Как и при каких обстоятельствах возникла «гоголиада Зверева»? На этот счет существует несколько версий, две из которых, как кажется, наиболее правдоподобны. Первую изложил филолог и историк Николай Котрелев в послесловии к изданию иллюстраций из коллекции И. П. Кардашиди. Он считает, что эти графические листы являлись не чем иным, как студенческими отчетными работами Анатолия Зверева, недолгое время посещавшего Художественное училище имени 1905 года. По этой логике, «Майская ночь» — как наиболее классическая и детально проработанная серия — лучше всего подошла бы для получения зачета. Впрочем, о стилистике и особенностях цикла скажем позднее.

Вторая версия — менее прагматичная и более артистичная — связывает возникновение огромного корпуса зверевских иллюстраций с именем Александра Александровича Румнева (1899–1965). Ее, эту версию, искренне поддерживает куратор многочисленных выставок нонконформистов, арт-директор Музея AZ Полина Лобачевская, дружившая как со Зверевым, так и с Румневым. Напомним, что замечательный актер, мастер пантомимы и преподаватель ВГИКа Александр Румнев одним из первых среди московской интеллигенции «заразился» творчеством молодого Зверева и стал, по сути, его импресарио. С начала 1950-х годов Румнев всеми силами помогал молодому художнику, работавшему на тот момент маляром в парке «Сокольники».

Конечно, Румнев и Зверев были во многом очень разными людьми. Сказывалась не только разница в возрасте, но еще, как говорится, социальный и образовательный бэкграунд: первый — утонченный эстет из старинного рода, отличавшийся внешней статностью и сдержанностью, второй — взрывной, отчаянный парень с рабочей окраины, чьи эскапады впоследствии будут по-настоящему шокировать «приличную публику». Но вместе с тем у них было нечто общее, что на тот момент позволило им сблизиться. Прежде всего особое благоговение перед искусством. Они оба находили в искусстве отдушину от скованности, серости жизни, погружаясь в него как в спасительные воды: Румнев — в преподавание пан-

томимы, Зверев — в рисование. Еще они оба отличались поразительной ироничностью, которая помогала им уходить от хамства и жестокости пролетарского окружения, не вступать открыто в конфликт, но отстраняться от партийного официоза.

Как рассказывает Полина Лобачевская, Румнев не только «продвигал» своего протеже в среде кинематографистов, музыкантов и коллекционеров, но также заменил ему неоконченные институты и академии. Именно Александр Румнев — и это подтверждено документально — сподвиг Зверева на создание иллюстраций к сказкам Г.-Х. Андерсена в надежде на их публикацию. В письмах Анатолия Зверева к Александру Румневу упоминаются книги, которые последний одалживал художнику. Среди них — позднеантичный роман Апулея «Золотой осел», ставший для Зверева источником авангардно-эротических набросков. Румнев, задумавший книжку о художнике (сохранились его рукописные наброски), зверевские иллюстрации рассматривал в качестве одного из самых новаторских творений своего времени. К этим иллюстрациям как нельзя лучше подходит румневский пассаж о динамике рисунков: «Его душе, его глазу свойственна быстрота реакции. Это требует от руки художника ее нервов, ее мышц — быстрой и точной фиксации впечатлений. И рука Зверева отвечает этим требованиям лихорадочной сменой ритмов, когда трагические зигзаги чередуются с изысканной певучестью линий». В свою очередь Зверев посвятил Александру Александровичу «Трактат о живописи» (из архива режиссера А. Орлова), где, следуя за Леонардо да Винчи, описывает свои методы работы и любимых художников.

Что касается Гоголя, Александр Румнев в полной мере разделял зверевское восхищение писателем. Работая в Камерном театре Таирова, Румнев, конечно, был поглощен великой постановкой «Ревизора». Но и помимо этого биографического факта, в сочинениях Александра Александровича (трактат «О пантомиме») неоднократно упоминаются гоголевские персонажи. После уничтожения Камерного театра работая во ВГИКе, Румнев постоянно ставил этюды по мотивам гоголевских пьес и повестей.

Именно в бумагах А. А. Румнева, находящихся сегодня в Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), сохранились десятки гоголевских иллюстраций Зверева. Не исключено, что этих рисунков, к которым принадлежит и «Майская ночь», было в разы больше. Однако в конце 1950-х между Румневым и Зверевым произошло некоторое охлаждение:

с 1957 года художник попадает под влияние коллекционера Георгия Костаки. Зверевский интерес к классике сменяется столь же бурным увлечением авангардом — так вместо фигуративных листов возникает серия абстракций в духе конструктивистов.

Постепенно гоголевские листы, инспирированные Румневым, ушли в мир. Без всякой надежды на их публикации Зверев начал дарить и за бесценок продавать виртуозные рисунки. Судьба «Майской ночи» сложилась относительно счастливо. С одной стороны, она не была разъята на отдельные листы или разбросана по различным коллекциям, как это случилось, например, с «Мертвыми душами». С другой стороны, более чем на столетия уникальные рисунки выпали из поля зрения ценителей искусства.

Итак, после смерти Александра Румнева в 1965 году начинается новая глава в истории опубликованных здесь рисунков. Эта глава полна неожиданных пересечений, совпадений, моментальных ускорений и столь же резких и долгих торможений. Почти сорок лет листы с «Майской ночью» подобно Спящей царевне лежали неприкосновенными в частном московском собрании. Впрочем, эта история заслуживает более детального описания. Начать придется издалека, так как каждое звено — даже случайное — составляет единое целое прочной цепи.

В конце 1930-х годов два подростка бегут с Дальнего Востока в Москву, спасаясь от участи «детей врагов народа». Едут они одни, без родителей — 14-летний Лев Волк-Леонович (по тем временам он считался достаточно взрослым для такого вояжа) и с ним 9-летняя Рогнеда Кованько. Их несчастные матери остались вызволять мужей из тюрьмы (увы, безнадежно). Так возникла прочная, почти родственная связь между обездоленными семьями, к которым в Москве присоединилась семья Тимохиных-Стратевых. Забегая вперед, скажем, что именно Тимохины сохранили для нас уникальные произведения Зверева.

Итак, Лев Мечиславович Леонович (его отец происходил из старинного польского рода) ехал в столицу к своему дяде Александру Румневу. Благо в этот момент Александр Александрович Румнев находился на пике актерской известности, поэтому имел возможность помочь и устроить ближайшего родственника. Вскоре вслед за сыном в столицу вернулась и мать — Надежда Александровна Волк-Леонович, актриса, педагог, имевшая блестящее классическое образование. Она поселилась вместе со

своим братом А. Румневым в коммуналке в Обыденском переулке. Две просторные комнаты с небольшой гостиной — по тем временам почти роскошь. В этой квартире, окна которой выходили на церковь Ильи Пророка, бывали выдающиеся актеры, режиссеры, художники. От пола до потолка она была наполнена книгами, картинами, антикварными раритетами. Анатолий Зверев, оказавшийся здесь в начале 1950-х годов, обрел у Румнева и Леонович второй дом, а также тот круг общения, к которому постоянно стремился. Он жадно впитывал знания и советы, пользовался библиотекой, получал дорогие краски. Но Зверев и многое отдавал: сотни рисунков к литературной классике, анималистические альбомы, виртуозные акварельные портреты — все это оставалось там, где создавалось, то есть у Румнева. Повторимся: все указывает на то, что Александр Румнев специально собирал зверевские иллюстрации в надежде их когда-нибудь издать. Однако скоропостижная смерть помешала этим планам.

Надежда Александровна оказалась тем человеком, который продолжил духовную миссию А. А. Румнева: она бережно хранила коллекцию рисунков Зверева, а также картины, эскизы и рукописи своего брата. Какая-то часть из этого наследия была передана в Архив литературы и искусства (РГАЛИ). И все же многое оставалось в семье.

После кончины Надежды Александровны в 1978 году оставшееся собрание перешло к ее сыну. Не сказать, что фронтовик (он ушел на войну в 1944 году) Лев Мечиславович Леонович не понимал ценности доставшихся ему вещей. Но его тяга к алкоголю и, как следствие, расточительность грозили тем, что все семейные сокровища за бесценок перекочат в антикварные лавки. Лишь появление редких людей, искренне желавших помочь и сохранить то, что осталось, спасало дом от разорения. Среди последних был аспирант экономического факультета МГУ Андрей Тимохин.

Лев Леонович дружил с матерью Андрея, но особенно их обоих сблизило пристрастие к искусству Зверева. К тому моменту, когда Лев Мечиславович решил «открыть» своему молодому другу графическую коллекцию, Андрей Тимохин уже прекрасно знал, кто такой Зверев и каковы его работы.

Собственно, факт передачи рисунков Андрею Тимохину происходил при довольно драматичных обстоятельствах. В начале 1980-х годов, когда Льву Мечиславовичу грозила реальная смерть, Андрей пришел на помощь и буквально вытащил его с того света. Через несколько дней после выхода из клиники Лев Леонович, понимая, что не в состоянии вести хозяйство,

решил передать на хранение-владение рисунки Зверева. Выбор пал на Андрея Тимохина. Вскоре племянник Румнева скончался, года через три рухнул Советский Союз, нувориши взяли верх над культурной элитой. По словам Андрея Борисовича Тимохина, который ныне возглавляет попечительский совет «Литературной газеты», рисунки Зверева пришлось отложить до лучших времен — пока уляжется рыночный ажиотаж и не возникнет ситуация, когда эти вещи оценят по достоинству.

Ситуация изменилась после того, как в 2015 году в Музее Анатолия Зверева (Музей AZ) были показаны коллекции семьи Апазидис, где эффектно выставили привезенные из Швеции зверевские рисунки к «Запискам сумасшедшего» Гоголя. После этого Андрей Тимохин решил, что настало время его гоголиады. В качестве следующего владельца, который откроет ценителям доступ к уникальным произведениям, был избран Музей Игоря Маркина ART4, он и подготовил это издание.

Почему Музей ART4? Начать с того, что Игорь Маркин и основанный им музей известны обширной коллекцией нонконформистов (в том числе Зверева), которая не лежит мертвым грузом в хранилищах, а активно представлена в разнообразных проектах. Именно поэтому первым узнавший о зверевских рисунках режиссер, журналист и музыкант Александр Липницкий (ум. 2021 г.) сразу посоветовал владельцу собрания этот музей. В итоге Игорь Маркин, решив не разъединять коллекцию, помимо цикла «Майской ночи» приобрел более двухсот произведений зверевской графики, принадлежавших Румневу. Среди этих листов есть также потрясающие циклы «Шинель» и «Портрет», рисунки к «Мертвым душам», «Ревизору» и другим сочинениям Гоголя. Определенно можно сказать, что на сегодняшний день Игорь Маркин, возглавляющий ART4, является обладателем самого значительного из всех собраний гоголевских иллюстраций Зверева. Все это нам еще предстоит увидеть на выставках и в публикациях музея, первая из которых — в ваших руках.

Такие выражения, как «уникальный» и «экстраординарный», возможно, слишком часто звучали по отношению к работам Зверева, обесценивая эти слова. Но в случае с рисунками к «Майской ночи» они приобретают первоначальный смысл. Рисунки такой степени проработанности, цельности (это на сегодняшний день самый большой и неразъятый цикл) и поразительной сохранности практически не встречаются в частных собраниях. Даже выдавших виды музейщиков они приводят в изумление.

Впрочем, ведущий специалист по экспертизе зверевских произведений Валерий Силаев не испытывает ни малейшего сомнения относительно подлинности и качества этих работ. «Зверев удивляет непрерывно, — говорит он, — по-настоящему мы только сегодня открываем его творчество во всем разнообразии. Постоянно появляются вещи, которые доказывают огромный потенциал и многообразие наследия Зверева. Эти рисунки — из их числа».

Еще одно сравнение Валерия Силаева описывает новаторство и уровень зверевской гоголиады: «Если бы Гоголь пожелал создать рисунки к своим произведениям, это были бы рисунки Зверева». О сходстве изобразительных миров Гоголя и Зверева было сказано выше. Здесь же важно еще раз подчеркнуть, что гоголевский артистизм проявляется в иллюстрациях Зверева на всех уровнях: от выбора сюжета и ракурса до техники исполнения. Нередко для создания экспрессивного образа Звереву достаточно было прочертить линию ногтем, а потом растушевать ее пальцем.

Если говорить о выдающемся, экстраординарном свойстве иллюстраций к «Майской ночи», оно — в исключительной проработанности каждого плана и каждой детали. И здесь вполне оправданна версия, что конкретно этот цикл создавался с некоторой оглядкой на институтское «правильное иллюстрирование». Кроме того, «Майская ночь» имеет неожиданный горизонтальный формат (ближе к квадрату), в то время как большинство гоголевских иллюстраций нарисованы Зверевым на вертикальных страницах блокнотов.

В данном издании нет нужды вдаваться в скрупулезный стилистический анализ: благо теперь специалисты могут спокойно сопоставить все зверевские иллюстрации по различным публикациям. Такое сопоставление может быть совершенно захватывающим делом. Вот, например, в том же самом году и на такой же бумаге (а Зверев писал на оборотной стороне афиши парка «Сокольники») сделаны и некоторые рисунки к «Мертвым душам». Но они совершенно разные! Где-то Зверев предстает абсолютно «отвязным» модернистом, а где-то — сдержанным «классиком». Впрочем, в «Майской ночи» также очень много типично зверевской фантазмагии. Взять хотя бы листы с изображением мачехи, превратившейся в черную кошку. Вот где выразилась вся экспрессия великого анималиста!

Другую интересную деталь, на которую не все обратят внимание, конечно, заметят специалисты по Звереву. Здесь типичная подпись «АЗ» дана